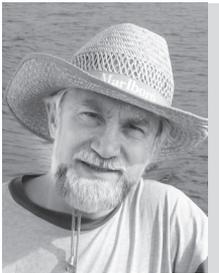

УДК 351/354:316.334(470)

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_31

ДИСКУРС ВЕЛИКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ: ИСТОРИЯ И КОНТЕКСТ

Михаил Валентинович Сухарев,

Институт экономики Карельского научного центра
Российской академии наук,
Петрозаводск, Россия,
suharev@narod.ru

Галина Борисовна Козырева,

Институт экономики Карельского научного центра
Российской академии наук,
Петрозаводск, Россия,
kozyrevakrc@gmail.com

Получена 16.09.2023.

Поступила после рецензирования 15.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Сухарев М. В., Козырева Г. Б. Дискурс великой институциональной реформы: история и контекст // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 31–58. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_31

Аннотация

При планировании новых институциональных реформ в Российской Федерации необходимо учитывать исторический опыт. Отмена крепостного права в России в XIX веке недостаточно пока изучена с позиции дискурс-анализа ее источников,

© Сухарев М. В., Козырева Г. Б., 2024

отражающих процесс проектирования фундаментальных преобразований, происходивший на протяжении десятков лет в «секретных комитетах» русских царей. Изучение этого дискурса представляет собой интерес не только для исторической науки, но также для исследования когнитивной компоненты управления масштабной институциональной и экономической реформой. Цель настоящей работы – выявить на основе проведения дискурс-анализа различных источников последовательность главных этапов подготовки и реализации реформы, а также исследовать отражение реформы в российской письменной культуре. В результате был исследован ход обсуждения подготовки реформ и принятия решений в контексте процесса реализации отмены крепостного права в России. Реформа проходила в условиях усиливающегося противостояния помещичьей элиты и народных масс, что заставляло архитекторов реформы действовать очень осторожно и скрытно. Показан достаточно высокий уровень проработки реформы. Противостояние между ее сторонниками и противниками отражалось в обширном корпусе печатных текстов газет и журналов того времени. Для исследования проявлений этого противостояния использовался контент-анализ российской письменной культуры XIX века с помощью технологии Google Books Ngram Viewer. На основе исследования выявлен алгоритм проектной подготовки и проведения крупных реформ на региональном и государственном уровне, который может быть уточнен и развит ходе дальнейших научных изысканий, доказана возможность использования технологии «больших данных» для исследования отражения политических реформ в письменной культуре общества. Опыт данной реформы может быть использован для совершенствования управления развитием системы институтов российского общества.

Ключевые слова:

Российская империя, институциональная реформа, крепостное право, управление реформой, дискурс, социальные преобразования, развитие, контент-анализ, государственное управление

Источники финансирования:

Статья подготовлена в рамках государственного задания Института экономики – обособленного подразделения ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», тема научно-исследовательской работы «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Благодарности:

Благодарим корпорацию Google за создание уникального бесплатного сервиса для исследования текстов на русском языке.

UDC 351/354:316.334(470)

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_31

DISCOURSE OF THE GREAT INSTITUTIONAL REFORM: HISTORY AND CONTEXT

Mikhail V. Sukharev,

Institute of Economics, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia,
suharev@narod.ru

Galina B. Kozyreva,

Institute of Economics, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia,
kozyrevakrc@gmail.com

Received 16.09.2023.

Revised 15.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Sukharev, M.V. & Kozyreva, G.B. (2024). Discourse of the Great Institutional reform: history and context. *Discourse-P*, 21(1), 31–58. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_31

Abstract

When planning new institutional reforms in the Russian Federation, it is necessary to take into account historical experience. The abolition of serfdom in Russia in the 19th century has not yet been sufficiently studied from the standpoint of discourse analysis of its sources, reflecting design of those fundamental transformations that took place over decades in “secret committees” of Russian tsars. This discourse is of interest not only for historical studies, but for broader academic research, due to the cognitive component of managing a large-scale institutional and economic reform. The purpose of this work is to identify, on the basis of discourse analysis of various sources, the sequence of the main steps the reform completed in terms of development and implementation, as well as to explore the reflection of the reform in Russian written sources. As a result, we investigated the discussion about the reforms development and decision-making in the context of implementing the abolition of serfdom in Russia. The reform took place in the conditions of increasing opposition between the landowner elite and the masses, which forced the architects of the reform to act very cautiously and covertly. A fairly high level of reform elaboration is shown. The confrontation between its supporters and opponents was reflected in the vast corpus of printed texts of newspapers and magazines of that time. To study the manifestations of this confrontation, we undertook a content analysis of Russian written sources of the XIX century relying on the Google Books Ngram Viewer technology. Based on that, the algorithm of project development and implementation of major reforms at the

regional and state level has been identified. These results can be refined and developed in the course of further scientific research, the possibility of using big data technology to study the reflection of political reforms through the written sources has been proved. The experience of this reform can be used to improve managing the institutional systems development in Russian society.

Keywords:

Russian Empire, institutional reform, serfdom, administration of reforms, discourse, social transformations, development, content analysis, public administration

Funding:

The article was prepared within the framework of the state assignment of the Institute of Economics, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Research Center “Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, the topic of the research work is “Comprehensive research and development of the fundamentals of sustainable development management of the northern and border zones of Russia in the context of global challenges”.

Acknowledgments:

We thank Google Corporation for creating a unique free service for researching texts in Russian.

Введение

Происходящие процессы глобальной трансформации требуют проведения фундаментальных преобразований в Российской Федерации. При планировании и реализации новых институциональных реформ необходимо учитывать исторический опыт. Процесс отмены крепостного права в России изучался множеством историков, экономистов, социологов и правоведов, но мало исследован с точки зрения организации подготовки и реализации реформы как социального когнитивного дискурса, процесса обсуждения и проектирования преобразований, происходивших в элитных сообществах, «секретных комитетах» русских царей. Выявление структуры этого дискурса представляет собой интерес как для политической и социальной наук, так и для органов управления масштабной институциональной и экономической реформой огромной страны. Цель настоящей работы – выявить на основе аналитического обзора комплекса научных и научно-популярных источников основные этапы проектирования и реализации реформы, методы управления выполнением реформы, способы управления государственными и региональными административными структурами, а также исследовать посредством дискурс-анализа отражение хода реформы

в российской письменной культуре. Нами использовался метод аналитического обзора различных источников (научных, юридических, публицистических, мемуарных), на основании которого был выбран ряд N-грамм (последовательностей слов), характерных для обсуждения реформы крепостного права. Затем с использованием отобранных N-грамм с помощью сервиса Google Books Ngram Viewer был проведен контент-анализ печатных текстов периода обсуждения и отмены крепостного права. Использовались публикации дореволюционного, советского и современного периодов. К результатам работы следует отнести исследование исторической и административной структуры процесса подготовки, а также дискурса обсуждения и реализации отмены крепостного права в России. К сожалению, следует отметить, что крайне желательное применение более широкого круга методов исторической науки, сделало бы объем статьи неприемлемым для журнальной публикации.

Подготовка отмены крепостного права, названная позже «великой реформой», заняла около полувека, возможно, и более, если считать от запрета работорговли в Крыму в 1783 г. Три императора участвовали в ее подготовке и проведении: Александр I, Николай I и Александр II. Да, реформа длилась невероятно долго, и ее результаты были подвергнуты самой разнообразной критике, но крестьяне все же были освобождены, а страна при этом не была разрушена. С позиций государственного проектирования институциональных изменений «великая реформа» была организована несравненно лучше так называемой горбачевской «перестройки». В. А. Томсинов писал уже в наши дни: «Таким образом, Россия стоит в настоящее время, как и полтора столетия назад, на пороге эпохи ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» (Томсинов, 2013, с. xiv). Сейчас, десять лет спустя, спорить с этим уже невозможно, поэтому очень важно осмыслить организационные технологии и социальные результаты прошедших реформ.

Широко распространенный тезис о «косном царском правительстве и бездарных русских генералах» при ближайшем знакомстве с обширным массивом исторических документов оказывается пропагандистским штампом. Взять хотя бы «Программу занятий губернских дворянских комитетов об улучшении быта помещичьих крестьян» (далее – «Программа»), регламентирующую проведение обсуждения реформы по всей России, организация которой вполне соответствует популярному в наше время направлению коммуникативного планирования (см., напр.: Kivits, Sawang, 2021). Организация в те времена дворянских комитетов в значительной степени предвосхищала собой проведение собеседований посредством метода фокус-групп, разработанный Р. Мертоном в 40-х гг. XX в. (Левинсон, Стучевская, 2003), опережая Европу и демократические США почти на 100 лет.

Всего в России были созданы 48 губернских дворянских комитетов, которым было предложено ответить на вопросы «Программы», касающиеся деталей организации отмены крепостного права таким образом, чтобы она произошла с минимальными потерями. Губернские комитеты должны были представить свои предложения в Главный комитет, причем, отдельно предложения поступали как от большинства, так и от меньшинства комитета, так что Главный комитет

получал «стереоскопическое» представление о настроениях дворянства всей страны.

Следует согласиться с Т. В. Андреевой, которая писала: «...акцентированная дидактичность опыта бюрократически управляемого процесса преобразований на фоне общественной дискуссии о модернизации России в XXI в. определяет нынешнюю актуализацию истории российских реформ, о чем свидетельствуют многочисленные конференции в столичных и провинциальных городах» (Андреева, 2014, с. 202). Но при этом, как писал И. А. Христофоров, нужно помнить следующее: «...изолированный анализ инфраструктурных проблем вряд ли способен был объяснить зигзаги правительственного курса. <...> Для этого нужен был анализ идеологического пространства, в котором в разное время разворачивалось “проектирование” крестьянской реформы» (Христофоров, 2011, с. 9). То есть, исследования дискурса, истории мысли, диалога между действующими лицами истории, которые все же не движутся по кругу, а ведут к накоплению знания, к развитию образа желательного будущего, имеют свое значение, потому что всякое важное человеческое действие (даже ошибочное) является результатом мышления.

Результаты исследования

Теоретические основы исследования. Аналитический обзор литературы, освещающей различные этапы масштабных социально-экономических процессов, причем в условиях отсутствия одной заранее выбранной методологической научной парадигмы, является сложной теоретической задачей, которую можно определить как «интерпретацию подборки опубликованных и/или неопубликованных документов, доступных из различных источников по конкретной теме, оптимально включающую в себя обобщение, анализ, оценку и синтез документов» (Onwuegbuzie et al., 2012). Требуется выявить, что было предпринято и что необходимо предпринять, определить переменные, имеющие отношение к теме, выявить взаимосвязи между теорией/концепциями и практикой, выделить образцовые исследования, избегая ненужных повторений, определить основные исследовательские методологии и проекты, которые были использованы, выявить противоречия и непоследовательности, определить сильные и слабые стороны исследовательских подходов (Onwuegbuzie et al., 2012). Более того, изучение достаточно сложной проблемы часто заставляет исследователя отойти от своих исходных представлений и обратиться к фундаментальной теории в поисках более подходящих инструментов анализа. Объект влияет на своего исследователя. В итоге нам пришлось совершить несколько циклов движения от исторических источников к способам их интерпретации и обратно, но уже с новым видением и пониманием, то есть пройти то, что на языке методологии называется герменевтическим кругом (Русакова, 2000, с. 123).

«Великая реформа», как называли отмену крепостного права в России XIX века, вызвала волну исследований, которые продолжают до настоящего

времени. Имеется огромное количество научной литературы, посвященной этим преобразованиям. Изучены мельчайшие подробности, включая архивные материалы и даже частную переписку (которая, однако, открывает истоки многих важных решений).

Однако работ, посвященных изучению того, как проектировалась сама реформа, очень немного (Захаров, 2011; Христофоров, 2011). Нашей целью являлось рассмотреть историю преобразований именно с точки зрения их обсуждения и последующей организации. Хотя, на первый взгляд, процесс подготовки реформ проходил достаточно хаотично, прерывался на многие годы, а затем возобновлялся опять, в нем, тем не менее, прослеживается определенная преемственность и систематичность, обусловленная характером дискурса, коммуникативными особенностями акторов, участвующих в обсуждении проблемы, историческим контекстом и фактором времени (van Dijk, 1998; Swales, 2017).

Здесь следует уточнить, что мы понимаем под понятием «дискурс». Среди множества определений нам ближе трактовка дискурса, понимаемого как речь, «погруженная в жизнь» (Макаров, 2003, с. 88), но не только «погруженная», но и влияющая на ее течение. С позиции концепции идеоматериальных полисистем (Сухарев, 2023) дискурс – это не процесс, происходящий между людьми, а процесс, происходящий в идеальном слое системы, состоящей из людей. Похожий подход встречается в работе Е. Борг (Borg, 2003). Так, И. А. Христофоров отмечает: «Конкурировали (порой в сознании одних и тех же людей) именно модели восприятия, образные и идеологические системы» (Христофоров, 2011, с. 9).

В отличие от теорий политического дискурса (напр.: ван Дейк, 2013, с. 16) в настоящей статье мы сосредоточились не на дискурсе между властью и обществом, а на дискурсе, происходящем внутри власти при производстве дискурса (Kuswandoro et al., 2020), и только во вторую очередь – на отражении внутреннего элитного дискурса в общественном мнении. Важно понимать, что реакция общества учитывалась царем и его окружением при проектировании реформы, что внешний дискурс влиял на внутренний, что существовала и обратная связь. Следующей целью исследования было изучение того, как этот процесс отражался в письменных (конкретно – печатных) текстах рассматриваемого нами периода. Конечно, проводимое нами исследование ни в коей мере нельзя считать исчерпывающим; это только начальный опыт использования нового методологического инструмента.

В настоящее время благодаря работе специалистов Google существует база оцифрованных печатных текстов (590 тыс. текстов) на нескольких языках, включая русский (Масевич, Захаров, 2017). Это дает нам возможность увидеть, как часто в различных публикациях использовались характерные слова и словосочетания (N-граммы, определенные последовательности знаков), связанные с обсуждением подготавливаемых или уже проводящихся реформ. Конечно, сами разработчики и исполнители реформ в то время тоже следили за прессой, и иногда активизация обсуждений заставляла их приостанавливать ход реформ или даже вносить в них изменения.

В приведенных графиках по горизонтали указаны года, которыми датированы письменные источники, а по вертикали – частота появления фразы, заданной поисковой системе Google, по отношению к общему количеству слов в текстах этого времени.

Иногда оказывается, что кривая N-граммы начинает идти вверх раньше исследуемого события, это объясняется сглаживанием (усреднением) данных за некоторый период времени, которое производится программным обеспечением Google, иначе кривая превратилась бы в набор трудно читаемых пиков и провалов. Мы в данном исследовании использовали минимальное сглаживание (обозначено в Google цифрой 1). Обратим также внимание на то, что правила орфографии в исследуемый период отличались от современных; для согласования современного и дореволюционного написания мы использовали сервис «Славяница» (<http://slavenica.com>).

Долгая история реформы. А. И. Дживелегов в своей статье, опубликованной в 5-м томе «Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», отмечал: «Русского мужика освобождали дворяне и от того освободили так плохо. Иначе не могло быть. Помещиками руководили соображения экономической выгоды, бюрократией мотивы государственной пользы и безопасности. У лучших из деятелей реформы основа взглядов складывалась не из идейного увлечения, а именно из сознания необходимости, такой или другой»¹.

Англоязычные исследователи, которым тоже принадлежит ряд работ по российской реформе, затрудняются определить, как вообще идея об освобождении крестьян могла появиться в русском высшем обществе, которые сами владели крепостными. «Основной вопрос, на который пытаются ответить в своих исследованиях британские и американские историки отмены крепостного права, был сформулирован Д. Филдом: “Как такая реформа могла появиться при таком режиме?”» (Большакова, 2011, с. 201).

Однако внимательное изучение источников показывает, что именно российские императоры в нескольких поколениях были носителями этой идеи (дискурса). Еще Екатерина II через Вольное Экономическое общество в 1765 г. предложила для обсуждения вопрос о том, что выгоднее для России: крепостной или свободный труд, и премировала автора, решившего вопрос в пользу преимуществ свободного труда (Греков, 1940, с. 82).

Ответ на этот вопрос кроется, вероятно, не в каких-то личных настроениях царей, а в осознанной государственной необходимости. «Государство только этим путем могло протянуть руку к живому источнику народного труда и, черпая в этом источнике, поставить на правильную ногу свои финансы. Ибо отныне, по крайней мере, согласно теоретическим предвидениям, значительная доля крестьянских ресурсов, поглощавшихся неправильной, часто хищниче-

---

¹ Дживелегов, А. И. (1911). Николай Алексеевич Милютин. В *Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 5, с. 68). Москва: Т-во Сытина.

ской помещицей эксплуатацией, должна была идти на потребу государства. Государство просто поняло, что ему незачем делиться с помещиком, когда оно может захватить гораздо больше», – писал в своей статье о Н. А. Милютине признанный знаток реформы А. И. Дживилегов².

И дело здесь не в жадности царей, а в жизненной необходимости резко увеличить государственные расходы на развитие инфраструктуры России (железные дороги, шоссе, морские порты и т.д.) и армии, особенно артиллерии и морского флота, что со всей ясностью предстало перед правителями после неудачной Крымской войны, и еще раньше – после войны с Наполеоном, в ходе которой пришлось даже сдать Москву.

В работе У. Сандерленда (Sunderland, 2019, p. 445–446) представлена весьма подробная таблица многочисленных шагов российского правительства, связанных с положением подневольных людей; приведем здесь ее сокращенный русский перевод.

Указы и договоры, касающиеся отмены (ограничения) крепостничества и рабствования в России, на Атлантическом и Черном морях

1797	Ограничение барщины в России
1803	«Закон о вольных землепашцах» (Россия)
1804	Запрет на работорговлю на грузинских землях
1815	Венский конгресс 1815 года: Россия подписывает «Декларацию 8 держав о прекращении торга неграми»
1816	Освобождение крепостных в Эстонии
1817	Освобождение крепостных в Курляндии (Латвия)
1819	Освобождение крепостных в Ливонии
1819	Постановление о том, что казахские дети, купленные в качестве рабов, находятся в пожизненном, а не наследственном рабстве
1841	Пятисторонний договор 1841 года [«Договор между Великобританией, Австрией, Францией, Пруссией и Россией о пресечении работорговли в Африке»]
1847	Закон 1847 года, позволяющий крепостным выкупать свою свободу при продаже помещичьего имения
1857	Рескрипт Назимова 1857 года (Литовские губернии)
1861	Освобождение крепостных в России в 1861 году (44 губернии; в основном центральная и южная Европейская часть России, но также и Сибирь)
1863–1866	Освобождение государственных крестьян (Европейская Россия)
1864–1883	Освобождение крепостных в Грузии, Бессарабии, Армении и Азербайджане

Из приведенной таблицы видно, что множество актов по борьбе с рабством и ограничению крепостного права совершались задолго до реформы 1861 года,

² Там же, с. 76.

и под всеми ними лежит скрытый когнитивный процесс, который шел в высших кругах империи.

Еще Екатерина II задумывалась об отмене крепостного права, существует много свидетельств о том, что и Александр I был сторонником введения конституции и освобождения крестьян. Однако он полагал, что дворяне-помещики к этому еще не готовы и что широкое обсуждение вопроса возбудит читающее общество (в то время в основном дворянское) и вызовет противодействие.

Идея создания плана развития российского государства появилась в 1802–1804 гг. в записках М. М. Сперанского, написанных по заказу Александра I (Андреева, 2019). Однако по результатам войны 1812 года в состав России вошли новые территории (в том числе, столь большие, как Польша), политическое устройство которых заметно отличалось от российского. Александр I понимал, что попытки их унификации встретят сильное сопротивление, кроме того, их относительную автономию Россия обязалась соблюдать по решениям Венского конгресса. Но, что еще существеннее, Александр I считал, что включение территорий с более современным институциональным устройством поможет постепенно распространить этот исторический опыт на остальную Россию.

Вот что пишет С. В. Мироненко по поводу выступления Александра I 15 марта 1818 года при открытии польского Сейма в связи с дарованием Конституции Польше, недавно вошедшей в состав России: «Образование, существовавшее в вашем краю, – говорил Александр, обращаясь к членам сейма, а в сущности, ко всей империи, – дозволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить на все страны, моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приурочиваю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости» (Мироненко, 1990, с. 19–20).

Посмотрим, как это выступление Александра I отразилось в российской печати (см. Рисунок 1). Интересно, что русское общество намного сильнее реагировало на введение Конституции во Франции (1800 и 1870 гг.), чем на выступление собственного императора, возможно, потому что оно произошло не в Санкт-Петербурге, а в польском сейме. Небольшой пик в районе 1820 года, однако, имеется. Возможно также, что российским журналам не рекомендовали обсуждать эту тему.

После смерти Александра I его наследник Николай I в 1826 г. поручил Сперанскому суммировать результаты разработки реформ, сделанные при жизни Александра; он считал себя обязанным их продолжить. Сперанский писал, что следует совместными усилиями верховной власти и представителей просвещенной бюрократии разработать план действий и создать для этого специальное государственное учреждение. По его мнению, было необходимо: 1) проанализировать все проекты с предложениями, поступающие на высочайшее имя; 2) отобрать в них «лучшие правила», привести их в систему и на их основе составить «коренные законы»; 3) выявить тактические средства, способствующие введению их в действие (Андреева, 2019).

Рисунок 1 – Google Ngram «конституция», период 1790–1880

Figure 1 – Google Ngram “constitution”, period 1790–1880

Секретные комитеты Александра I и Николая I. Подготовка реформ (а отмена крепостного права была лишь одной из них, кроме нее подготавливались Земская реформа, Городская реформа, Реформа просвещения, Судебная реформа и ряд других) долгое время шла в так называемых «секретных комитетах» с тем, чтобы не вызывать преждевременного «брожения умов».

Примерно в 1818–1820-х гг. Александр I поручил графу Н. Н. Новосильцеву подготовить проект русской конституции (Уставная грамота Российской империи), который в дальнейшем не был использован (Шеститко, 2019, с. 30–31).

В те же годы под руководством министра финансов А. Д. Гурьева начал разрабатываться проект крестьянской реформы. Для разработки был создан специальный Секретный комитет – первый среди подобных комитетов XIX в. В конце 1819 г. набросок плана реформы был готов. Но он не получил одобрения императора и поэтому не был завершён (Шеститко, 2019, с. 71).

Проект освобождения крестьян готовился в величайшей тайне под руководством А. А. Аракчеева, и в феврале 1818 г. один из вариантов этого проекта уже был передан императору (Мироненко, 1990, с. 69).

По N-грамме мы можем видеть, что российскому правительству удалось поддерживать секретность: до 1860 г. словосочетание «секретный комитет» встречалось довольно редко (см. Рисунок 2).

После преждевременной смерти Александра I 1 декабря 1825 г. на трон взошел Николай I, который желал продолжить реформы, планировавшиеся Александром. Для этого был создан новый специальный комитет, который получил в дальнейшем общеупотребительное название по дате своего создания «Комитет 6 декабря 1826 года», целью которого было «собрать все сведения о тех предположениях, кои в Царствование блаженныя памяти Императора Александра I были в виду и занимали, как прежний Государственный Совет, так и ныне существующий». Среди этих бумаг были и предложения по крепостному праву, о чем сообщал в своей докладной записке граф Кочубей: «Вашему Императорскому Величеству угодно было, чрез Генерала от инфантерии Графа Толстаго, изъявить Высочайшую волю, чтоб Комитет 6 Декабря 1826 года занялся рассмотрением,

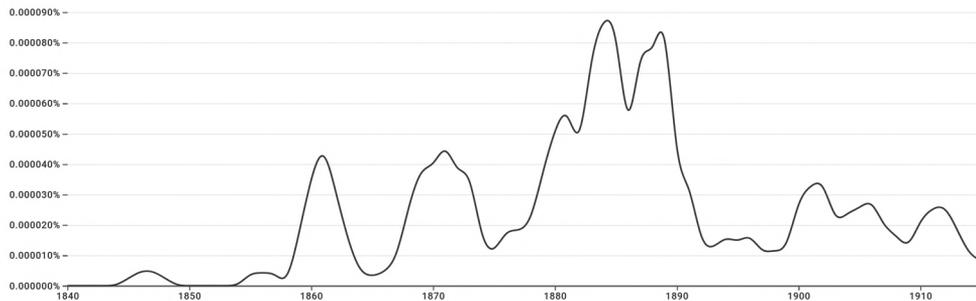

Рисунок 2 – Google Ngram «секретный комитет», период 1840–1915

Figure 2 – Google Ngram “secret committee”, period 1840–1915

какое законоположение сделано быть может, о прекращении личной продаже людей»³.

В Российской империи того времени разнообразие устройства входящих в нее регионов (губерний, областей, княжеств и т.д.) было намного больше, чем в СССР и современной России. Различались местные законы, некоторые регионы даже сохраняли собственные валюты и особые органы власти (Польша, Финляндия). Касалось это и крепостного права. В присоединенных к России губерниях, ранее входивших в состав Польши, большая часть помещиков имели польское происхождение и были католиками, в то время как крепостные были православными русскими и украинцами. Это обостряло отношения между ними, и губернаторы, представлявшие русского царя, часто оказывались на стороне крестьян, возможно потому, что помещики были поляками и католиками.

Киевский губернатор Д. Г. Бибиков обратился к царю с предложением ввести так называемые инвентари, в которых фиксировалось состояние помещичьих хозяйств, в том числе земли, которой пользовались крестьяне. Интересно, что для введения инвентарей были созданы губернские комитеты, которые должны были не только составлять эти документы, но и формировать принципы их составления. Это следует рассматривать как дискурс между высшей и региональной ветвями власти. Комитеты начали создаваться с 15 апреля 1844 г. в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Волынской и Подольской губерниях⁴. 26 мая 1847 г. положение об инвентарях было утверждено царем, оно значительно уменьшало произвол помещиков по отношению к своим крестьянам. Было запрещено уменьшать количество земли в пользовании крестьян, ограничена барщина, количество работ ограничено урочным положением.

³ Бумаги [Особого секретного] комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 Декабря 1826 года. (1894). В *Сборник Императорского Русского Исторического Общества* (Т. 90, с. 360). Санкт-Петербург: Гос. тип.

⁴ Василенко, Н. П. (1911). Крестьянский вопрос в юго-западном и северо-западном крае при Николае I и введение инвентарей. В *Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 4, с. 94–109). Москва : Т-во Сытина.

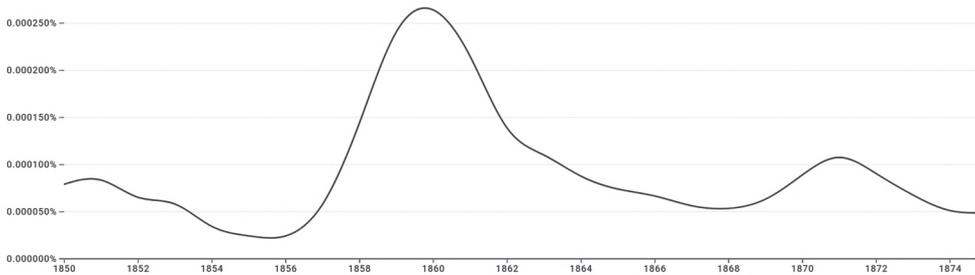

Рисунок 3 – Google Ngram «инвентари», период 1850–1875

Figure 3 – Google Ngram “inventory”, period 1850–1875

Американский исследователь У. Сандерленд считает, что важной частью культурных перемен в России XIX в., подготавливающих отмену крепостного права, был перевод распространенной во всем мире книги Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (более 67 изданий в период с 1857 по 1917 г.), а также публикация книги И. Тургенева «Записки охотника» (Sunderland, 2019, p. 448).

Приведем N-граммы названий этих книг:

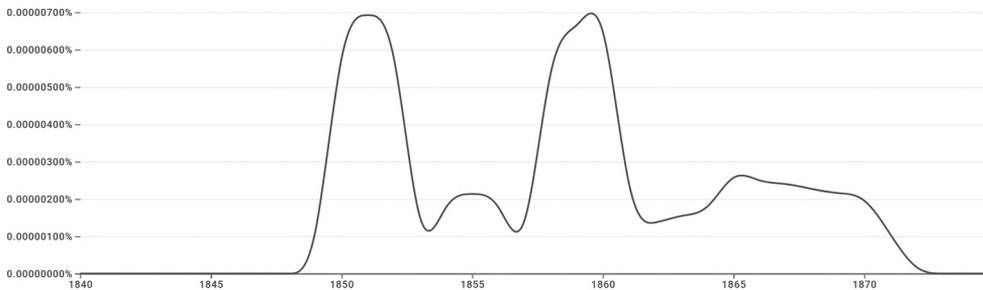

Рисунок 4 – Google Ngram «Хижина дяди Тома», период 1840–1875

Figure 4 – Google Ngram “Uncle Tom's Cabin”, period 1840–1875

N-грамма подтверждает значительный интерес российской публики к этой книге, обострившийся в период подготовки и проведения реформы.

Рисунок 5 – Google Ngram «Записки охотника», период 1835–1875

Figure 5 – Google Ngram “Notes of a hunter”, period 1835–1875

Мы видим пик интереса в период публикации книги в журнале «Современник» (1847–1851 гг.), а затем, после непродолжительного спада, еще более повышающийся в годы, предшествующие реформе. Пик 1870 года связан, вероятно, с проходившей в это время реформой городского самоуправления. Интересно, что эти N-граммы заметно коррелируют друг с другом в период 1840–1865 гг.

Сандерленд приводит также интересные данные о том, что в каталоге библиотеки Комитета, которому царь Александр поручил разработать закон 1861 года, перечислено около 600 иностранных работ в основном на немецком, французском и английском языках. Работы включают тридцать два названия, относящиеся к освобождению крепостных в Пруссии и землях Габсбургов, переданных Комитету в дар из личной библиотеки великой княгини Елены Павловны (Sunderland, 2019, p. 448). По другим данным, в библиотеке Комитета было около 1000 работ (Джаншиев, 2008, с. 223).

Это подтверждает наш тезис о том, что реформа готовилась вполне основательно и даже на определенном научном уровне, которого явно не доставало реформам 1985–1991 гг. в СССР.

Крымская война. Поражение в Крымской войне привело российское общество, включая его политическую элиту, к пониманию необходимости модернизации всей системы общественного устройства.

Позволим себе обширную цитату из многотомника «Великая реформа», уж очень глубоким чувством она наполнена: «Тотчас после падения Севастополя Юрий Самарин писал: “С самого начала восточной войны, когда еще никто не мог предвидеть ее несчастного исхода, громадные приготовления наших врагов озабочивали людей, понимавших положение России, гораздо меньше, чем наше внутреннее неустройство. События оправдали их опасения. Мы сдались не перед внешними силами Западного Союза, а перед нашим внутренним бессилием. Это убеждение, видимо проникающее всюду, досталось нам дорогой ценою, но мы готовы принять его, как достойное вознаграждение за все наши жертвы и уступки”. <...> В записках Кошелева читаем: “Высадка союзников в Крым в 1854 г., последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя нас не слишком огорчили; ибо мы были убеждены, что даже поражения России сноснее для нее и даже полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время. Общественное и даже народное настроение, хотя отчасти бессознательное, было в том же роде”. И действительно, в то время люди самых различных положений, направлений и настроений, словно сговорившись, в один голос указывали в своих письмах на то, что из развалин Севастополя должно будет подняться обновление и возрождение к лучшей жизни всей России. Так, в одном письме Ивана Серг. Тургенева от 5 сентября 1855 г. также читаем указание на то, что падение Севастополя должно стать для России тем, чем стало для Пруссии поражение при Иене»⁵.

⁵ Кизеветтер, А. А. (1911). Русское общество и реформа 1861. В *Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 4, с. 113–114). Москва: Т-во Сытина.

Именно неудачи крымской войны положили конец многолетним колебаниям императора и окружающей его российской элиты по проведению реформ; более того, они почувствовали, что и более широкий слой городского общества, и даже далекий от политики народ уже не просто ждут, но требуют начала спасительных реформ.

Рисунок 6 – Google Ngram «реформы», период 1830–1930

Figure 6 – Google Ngram “reforms”, period 1830–1930

На N-грамме можно видеть огромный рост употребления слова «реформы» после 1855 г.; этот запрос на реформы не прекратился и после 1861 г., и даже после всех действительно глубоких реформ Александра II, достигнув максимума после русско-японской войны и революции 1905 года. Может быть, именно определенная успешность этих преобразований вызывала у общества желание продолжать и углублять реформы, достигая лидерства России во всем мире. Однако общество не понимало цены реформ, не понимало, что для усвоения реформ требуется время, и немалое. Россия вошла в Первую мировую войну в состоянии незавершенной реконструкции и государства, и народа.

Популярность реформ резко упала после революции 1917 года и Гражданской войны в России, когда, с одной стороны, количество произведенных реформ уже превысило все мыслимые пределы, а с другой – количество реальных дел и темпы роста начали удовлетворять самые смелые ожидания. Это был период, когда даже многие белые эмигранты простили большевикам революцию и войну, поскольку результатом стало восстановление и усиление Российской империи, пусть и в новой форме.

Начало реформы 1861 года. Первое официальное заявление по крестьянскому вопросу Александр II сделал 30 марта 1856 г. В речи, обращенной к московскому дворянству, он заявил: «Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить всем вам, что я не имею намерения сделать это сейчас. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само начнет уничтожаться снизу. Прошу вас,

господа, подумать, как бы привести все это в исполнение. Передайте слова мои дворянам для соображения»⁶.

В конце того же года министр внутренних дел доложил царю, что все обращения к дворянству не дали результата, фактически дворяне отмалчивались. Тогда решено было учредить специальный секретный комитет под руководством самого царя. 3 января 1857 г. состоялось первое заседание этого комитета. Объяснив присутствовавшим, что проблема крепостного права давно уже занимает правительство, Александр II обратился к членам комитета с вопросом: следует ли немедленно принять меры по освобождению крестьян? Присутствовавшие единогласно ответили, что крепостное право есть зло, и для блага государства необходимо немедленно приступить к обсуждению принципов, на которых может быть проведено освобождение, но при том постепенно и без резких поворотов⁷.

Летом 1857 г. Александр II был за границей и встречался с королем Пруссии Вильгельмом и бароном Гакстгаузенем, автором известной книги о русской сельской общине, которые укрепили царя в решимости отменить крепостное право (Джаншиев, 2008, с. 103).

Однако работа комитета, в котором оказалось множество явных и скрытых противников реформы, практически свелась к бесплодным прениям, и тогда в августе 1857 г. царь включил в состав комитета своего брата, великого князя Константина Николаевича, который был явным сторонником реформы. В результате после заседаний 16, 17 и 18 августа комитет решил сделать свои постановления, настолько осторожные, что слова «освобождение крестьян» были заменены неопределенным выражением «улучшение быта помещичьих крестьян» (Джаншиев, 2008, с. 142).

Заметим, что перемещение знаковых фигур в административных структурах непременно является частью администрирования процесса преобразований. Административное сообщество очень чутко реагирует на эти сигналы высшего руководства.

Не сразу, но N-грамма «улучшение быта помещичьих крестьян» проникла в комплекс русских печатных текстов; то, что кривая начинает идти вверх раньше 1857 г., объясняется сглаживанием (усреднением) данных программного обеспечения Google, иначе кривая превратилась бы в набор пиков и провалов (см. Рисунок 7).

Примерно в это же время дворянство Могилевской губернии обратилось к царю с ходатайством об отмене там крепостного права с тем, чтобы не проводить уже ненужную инвентаризацию, которая отнимала много времени и сил. Еще одной причиной этого обращения исследователи называют то, что дворяне западных губерний были более готовы переходить к рыночным отношениям, чем дворяне центральной России. Однако они предполагали освобождение крестьян

⁶ Вишняков, Е.И. (1911). *Ход крестьянской реформы. Начало законодательных работ. В Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 4, с. 139). Москва: Т-во Сытина.

⁷ Там же, с. 140–141.

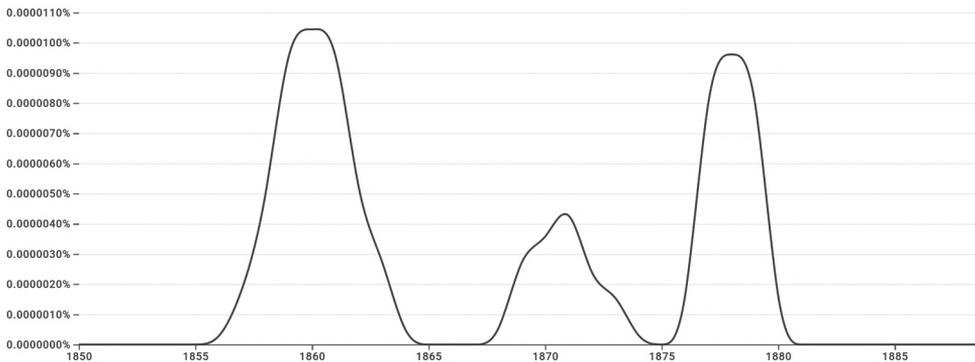

Рисунок 7 – Google Ngram «улучшение быта помещичьих крестьян», период 1850–1890. Пик 1878 г. – реакция крестьян и общества на русско-турецкую войну, которая обострила «крестьянский вопрос» (Буганов, 1987)

Figure 7 – Google Ngram “improving the life of the peasant peasants”, the period 1850–1890. Peak of 1878 – reaction of peasants and society to the Russian-Turkish war, which aggravated the “peasant question” (Buganov, 1987)

без земли, земля должна была остаться в собственности помещиков. Крестьянам не оставалось бы ничего иного, как наниматься к ним на работу батраками.

На заседании комитета 23 ноября 1859 г. Ростовцев сказал: «Я уверен, что, если у крестьян совсем отрезать землю, будет пугачевщина (я говорю это между своими в дружеском обществе), и не могу не предвидеть в таком случае страшных обстоятельств и страшных потрясений, которые ожидают бедную Россию...»⁸.

Поэтому на ходатайство Александр II ответил известным рескриптом от 20 ноября 1857 г. на имя генерал-губернатора литовских губерний В. И. Назимова, в котором предлагал создать губернские дворянские комитеты и общую комиссию в Вильно для обсуждения «улучшения быта помещичьих крестьян». Царь понимал, что освобождение крестьян без земли грозит бунтами или даже «пугачевщиной». Поэтому по его настоянию в принципы освобождения было включено наделение крестьян землей, но с выкупом у помещиков (для их успокоения), однако с рассрочкой на длительный период (это в пользу крестьян – немногие могли выкупить эту землю немедленно).

Основания освобождения должны были быть следующими:

1) Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется приусадебная земля, которую они должны выкупить в течение определенного времени; сверх того, им должна была предоставляться необходимая для жизни и выполнения обязанностей перед правительством и помещиком количество земли, за которое они или платят оброк или отбывают работу помещику.

2) Крестьяне должны быть распределены по сельским общинам, которые несут ответственность за своих крестьян, помещикам же предоставлялась вотчинная полиция, – и

⁸ Дживелегов, А. И. (1911). Николай Алексеевич Милютин (с. 75).

3) При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть обеспечена уплата государственных и земских податей и денежных сборов»⁹.

Дживелегов сообщает одну интересную особенность произошедшего: предполагалось, что копии рескрипта будут разосланы всем губернаторам и губернским предводителям. При этом «крепостническая партия, которая всячески старалась оттянуть решительный приступ к реформе, которая с большим аппетитом приспособилась, чтобы похоронить ее в секретном комитете, приняла меры к тому, чтобы рескрипт не был опубликован, но Ланской с Милютиным, предвидя это, в одну ночь отпечатали его (и разослали с почтой. – М. С., Г. К.), и когда утром пришло приказание не рассылать, было уже поздно»¹⁰. Это привело к огромному усилению взаимодействия между внутренним дискурсом власти и общественным дискурсом по отношению к крепостному праву.

9 декабря 1857 г., принимая петербургских дворян, государь уже лично повторил им, что считает неотложным делом разрешение крестьянского вопроса. После этого намерения правительства стали слишком известны, и 17 декабря документы 20 ноября и 5 декабря были опубликованы в газетах¹¹.

8 января 1858 г. (информация об этом была опубликована лишь 18 февраля) секретный комитет был преобразован в «Главный Комитет по крестьянскому делу для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии» и 4 марта при Министерстве внутренних дел был открыт «Земский отдел центрального статистического комитета»¹².

Важную роль в ходе реформы сыграло путешествие Александра II по России в августе – сентябре 1858 г. В разных губерниях царь встречался с дворянами, обещая при окончательном обсуждении реформы в Главном Комитете вызвать в Петербург по два дворянских депутата от губернии, но в то же время выражал свою желание совершить освобождение крестьян. Это решительное заявление царя положило конец колебаниям и сомнениям дворянства. В эту поездку император увидел, что со стороны дворянства нельзя ожидать особенно сильной оппозиции, потому что среди этого сословия есть много лиц, понимающих необходимость реформы. Успокоился государь и относительно настроений простого народа, который всюду встречал его как инициатора освобождения. В половине октября государь вернулся в Петербург с уверенностью в успехе начатого дела¹³.

После этого Главный комитет начал ускоренно работать над проведением реформы. Важной особенностью, как бы не характерной для самодержавного типа правления в России, был этап проведения широкого обсуждения реформы

⁹ Вишняков, Е. И. (1911). *Ход крестьянской реформы...* (с. 144).

¹⁰ Дживелегов, А. И. (1911). *Николай Алексеевич Милютин* (с. 78).

¹¹ Вишняков, Е. И. (1911). *Ход крестьянской реформы...* (с. 146).

¹² Вишняков, Е. И. (1911). *Главный комитет и редакционные комиссии. В Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 4, с. 166). Москва: Т-во Сытина.

¹³ Там же, с. 170.

во всех губерниях России, где для этого создавались «губернские дворянские комитеты», которые на своих заседаниях должны были обсудить план проведения реформы и дать результаты своих обсуждений в виде письменных материалов, которые должна была собрать специальная Редакционная комиссия при Главном комитете.

О причинах этого решения Е. Вишняков писал: «При работах комиссии решено было допустить широкую гласность с тем, чтобы, по выражению Ростовцева, “призвать на помощь общее участие, которое прольет свет на каждую оставшуюся в тени сторону вопроса, дополнить недостающие факты и исправит во-время каждую ошибку комиссии”. В целях гласности решено было журналы и труды комиссии печатать в значительном количестве экземпляров... Редакционная комиссия заняла очень своеобразное положение среди других учреждений. ...она на самом деле через своего председателя Ростовцева, пользовавшегося неограниченным доверием Александра II, была подчинена непосредственно самому государю»¹⁴.

П. Зайончковский писал: «Губернские комитеты начали свою деятельность в 1858 г. Первым приступил к работе Петербургский комитет (14 января), последним – Оренбургский (11 декабря). Созыву губернских комитетов предшествовали уездные съезды, на которых дворяне избирали своих представителей, а также высказывали точку зрения на предстоящую подготовку проекта реформы» (Зайончковский, 1968, с. 93).

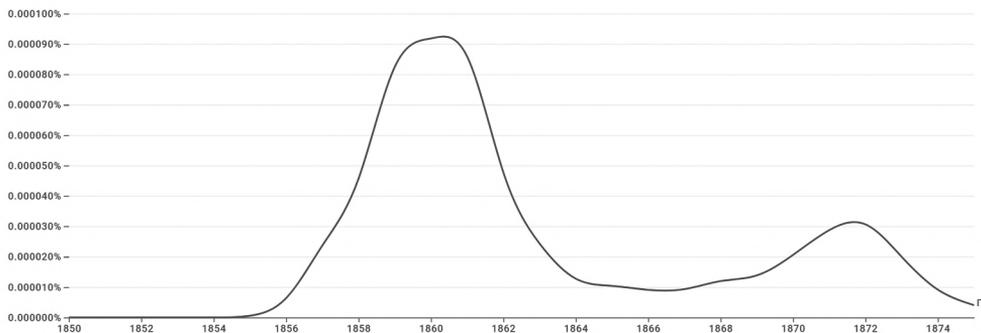

Рисунок 8 – Google Ngram «губернские комитеты», период 1850–1875

Figure 8 – Google Ngram “provincial committees”, period 1850–1875

Пик 1872 г. вызван, возможно, обострением обсуждения результатов крестьянской реформы после революции во Франции.

Для обеспечения работы губернских дворянских комитетов были разработана весьма подробная инструкция, известная как «Положения 19 февраля», опубликованные в 1861 г. в виде сборника объемом 360 страниц¹⁵.

¹⁴ Там же, с. 175.

¹⁵ Вормс, А. Э. (1911). Положения 19 февраля. В *Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 6, с. 10–11). Москва: Т-во Сытина.

Рисунок 9 – Google Ngram «Положения 19 февраля», период 1855–1880
Figure 9 – Google Ngram “The position of February 19”, the period 1855–1880

Рост употребления фразы «положения 19 февраля» начался до 1860 г., ускорился после публикации в 1861 г. и достиг максимума 1863 г., когда процесс реформы уже набрал обороты и многим нужен был текст для практических действий. Пик 1871 г. вызван, возможно, активизацией общественного мнения в связи с событиями Парижской коммуны, пик 1877 г. – тем, что началось переосмысление результатов реформы, крестьяне остались без земли (в 1877 г. крестьяне владели всего 6,2 % российской земли). Интересно заметить, что Некрасов опубликовал последнюю часть «Кому на Руси жить хорошо» именно в 1876 г.

Результатом работы губернских комитетов оказались более 2000 печатных листов различных предложений, которые поступили в Главный комитет. Но Редакционные комиссии извлекали оттуда только то, что находили нужным по их усмотрению (Джаншиев, 2008, с. 230–231). Тем не менее, следует предполагать, что они получили важную информацию о том, чего желали бы помещики России и о том, чего они опасались и с чем были категорически не согласны.

Для проведения реформы в 1861 году были созданы «губернские по крестьянским делам присутствия». Их главными задачами были составление, проверка, и введение уставных грамот. На эту работу отводился год. В грамотах определялись отведенные крестьянам наделы и все повинности, натуральные и денежные, в пользу помещиков. Однако к марту 1862 г. в Главный комитет были представлены всего 9187 грамот, что было менее 3/10 необходимого общего числа.

Причиной отставания было огромное количество споров между помещиками и крестьянами как по количеству отводимой земли, так и по обязанностям крестьян в пользу помещиков за пользование этими землями¹⁶.

Для ускорения работы пришлось создать институт «мировых посредников», роль которых была в разрешении этих споров. Первоначально предпо-

¹⁶ Корнилов, А. А. (1911). Деятельность мировых посредников. В Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем (Т. 5, с. 239–242). Москва: Т-во Сытина.

лагалось, что посредники должны быть из дворян, но избираться крестьянами. Но затем «для ускорения процесса» выбор посредников был доверен губернаторам, но утверждались они Сенатом и не могли быть уволены без разрешения Сената.

Согласно циркуляру министра внутренних дел Ланского, мировые посредники должны быть примирителями интересов обоих сословий, ими не могут быть люди, которые заявили себя сторонниками интересов одного сословия или искателями штатных мест¹⁷.

После введения института мировых посредников число утвержденных уставных грамот начало быстро расти и, достигнув 57395 к августу 1862 г. и 97539 – к 12 марта 1863 г. Однако и это количество составляло 88,67 % общего числа душ, причем менее половины были подписаны крестьянами¹⁸.

Рисунок 10 – Google Ngram «мировые посредники + посредник», период 1850–1910

Figure 10 – Google Ngram “world intermediaries + mediator”, period 1850–1910

Н-грам показывает очень высокий уровень употребления выражения «мировые посредники» (на уровне 0,0003 % по сравнению с 0,00003–0,00007 в других н-грамах).

Осторожность (или даже нерешительность) в проведении крестьянской реформы в России привела к ее затяжному характеру, запаздыванию модернизации общества, высокому уровню недовольства народных масс и вышедших из этих масс разночинцев.

В результате доля земли в руках помещиков сократилась с 77,8 % в 1877 г. до 52,54 % в 1905 г., а у крестьян увеличилась с 6,2 % в 1877 г. до 12,78 % в 1905 г. Около 11% принадлежало крестьянским товариществам и обществам (разные формы не поделенной общинной земли). Еще 12,79% в 1905 г. владели купцы и почетные граждане¹⁹. И это при том, что дворян в России было 1220 тыс. чел, а крестьян – около 99 млн²⁰.

¹⁹ Рубакин, Н. А. (1912). *Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы* (с. 124). Санкт-Петербург: Изд-во «Вестника знания» (В. В. Битнера).

²⁰ Там же, с. 54.

Понятно недовольство этих 99 миллионов и результат отступления в 1916 г. плохо вооруженной и обмундированной армии, в основном состоящей из этих крестьян. Однако следует напомнить, что это произошло через пол века после реформы 1861 года.

В завершение своего исследования мы суммировали этапы отмены крепостного права в виде алгоритма проведения стратегических реформ, представленного на следующем рисунке.

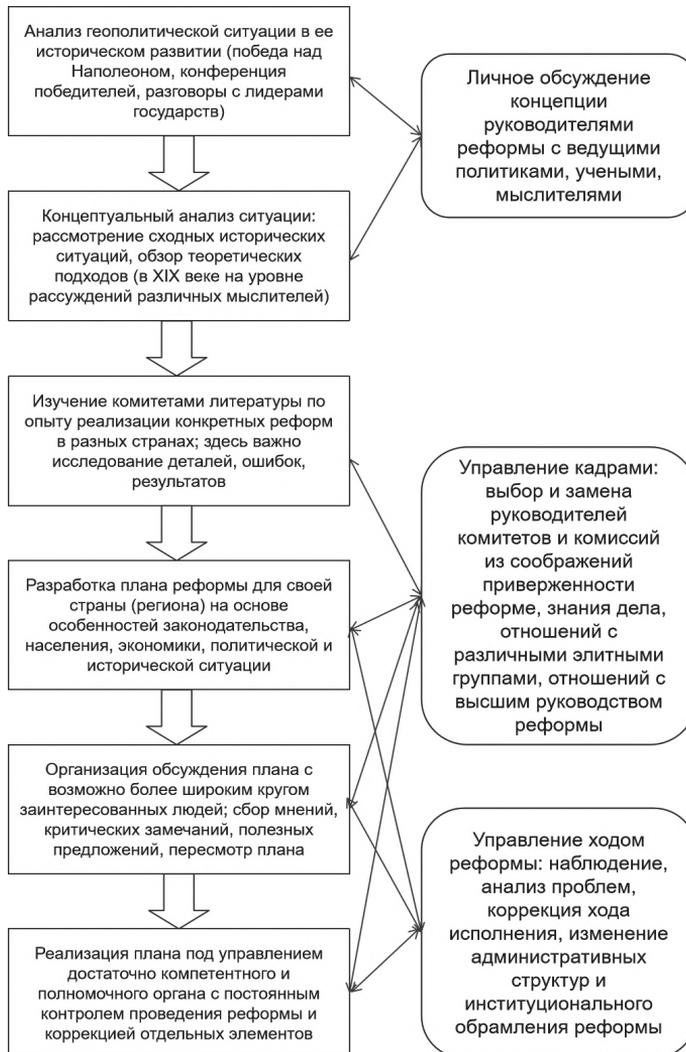

Рисунок 11 – Алгоритм планирования и схема дискурса стратегических реформ (разработан авторами)

Figure 11 – Algorithm of strategic reforms planning and chart of discourse (developed by the authors)

Заключение

Отмена крепостного права в Российской империи не зря была названа «Великой реформой». Это было принципиальное (формационное) изменение социально-экономических отношений, затрагивающее значительную часть (более 30%) населения страны, с одной стороны, крестьян, получавших свободу и землю, но за счет многолетних выплат и работ в пользу помещиков, обреченных на тяжелый труд и нищету и лишенных возможности развивать хозяйство, с другой – помещиков, которые теряли свой привычный образ жизни и постоянный доход. Изменялись сами экономические механизмы, внеэкономическое принуждение заменялось рыночными отношениями.

Готовилась эта реформа невероятно долго, более полувека, за это время сменились пять императоров России (начиная с Екатерины Великой). К ее разработке была привлечена целая плеяда выдающихся людей, изучен опыт проведения подобных реформ в целом ряде стран Европы, было проведено широчайшее по тому времени обсуждение реформы в губернских дворянских комитетах. Это был исторический внутренний диалог внутри высшей российской власти, внутриэлитный дискурс об опасных, но необходимых изменениях в устройстве государства.

Общим фоном подготовки реформы являлся постоянный страх императоров перед нарушением устойчивости правления, страх перед народными восстаниями, с одной стороны, и заговорами дворянских элит – с другой; мучительный поиск равновесия между этими силами, не раз потрясавшими русское государство. Эти колебания были прерваны внешней причиной – поражением в Крымской войне, которое показало категорическую необходимость модернизации государства, поскольку его очевидная слабость неизбежно вызвала бы новые попытки многочисленных соседей усилить себя за счет России.

Реформа была проведена, привела к началу освобождения крестьян, не вызвала ни слишком опасных бунтов, ни элитных переворотов. Но осторожность имела своей оборотной стороной слишком медленное развитие общества и экономики, вследствие которого Россия не успела завершить модернизацию к Первой мировой войне, начала терпеть поражение и в этих обстоятельствах не смогла избежать революции и гражданской войны

Казалось бы, ужасный результат, но территория бывшей империи была почти восстановлена и менее чем через десять лет после окончания гражданской войны Россия перешла к необычайно быстрому росту. Интересно сравнить этот результат с другим глобальным планом. В самом конце существования СССР была разработана «Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы», в разработке которой участвовали 46 ведущих научных институтов СССР. Эта программа готовилась на серьезном уровне, на основе практически полного знания обо всей тогда еще государственной экономике и научном потенциале страны.

Как же получилось, что начало реформ было назначено точно на год, когда СССР прекратил свое существование? Дело в том, что программа готовилась

в рамках советской парадигмы социально-экономического развития, а возможность смены самой парадигмы не рассматривалась и не могла рассматриваться. В отличие от этого, отмена крепостного права как раз учитывала смену парадигмы с феодальной на рыночную; может быть, именно поэтому Россия прожила после этого еще почти полвека относительно спокойно.

В наше беспокойное время гуманитарные науки России, включая науку администрирования, должны разработать очень широкую теорию управления стратегическими реформами, учитывая даже такие историко-философские аспекты, как возможная смена самых общих парадигм.

Перейдем к теме отражения хода крестьянской реформы в письменной печатной культуре России. Несмотря на закрытый характер подготовки реформы, эти обсуждения достигали более широких кругов и отражались в письменной культуре общества. В настоящее время существуют базы данных, содержащие оцифрованные тексты значительной части всех письменных источников того времени; по своему объему они относятся к категории так называемых больших данных. Использование этих данных может помочь в углубленных исследованиях политических процессов, происходящих в обществе в различные исторические периоды, в том числе на региональном уровне.

Список литературы

1. Андреева, Т. В. (2014). Власть и реформы в России в первой половине XIX в.: историография конца XX – начала XXI в. *Петербургский исторический журнал*, (2), 202–238. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00035>
2. Андреева, Т. В. (2019). Записка М. М. Сперанского о создании Комитета 6 декабря 1826 года. *Петербургский исторический журнал*, (4), 252–271. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2019-00084>
3. Большакова, О. В. (2011). Отмена крепостного права в России. Англоязычная историография 1960–1990-х годов : (Аналитический обзор). В В. С. Коновалов (Ред.), *Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): Сб. обзоров и рефератов* (с. 200–220). Москва: ИНИОН.
4. Буганов, А. В. (1987). Отношение крестьянства к русско-турецкой войне 1877–1878 годов (по материалам последней четверти XIX в.). *История СССР*, (5), 182–189.
5. Греков, Б. Д. (1940). *Главнейшие этапы истории крепостного права в России*. Москва; Ленинград: Гос. социально-экон. изд-во.
6. Дейк, Т. А. ван. (2013). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Москва: Кн. дом «Либроком».
7. Джаншиев, Г. А. (2008). *Эпоха великих реформ* (Т. 1). Москва: Издат. дом «Территория будущего».
8. Зайончковский, П. А. (1968). *Отмена крепостного права в России* (Изд. 3-е, перераб. и доп.). Москва: Просвещение.

9. Захаров, В. И. (2011). Алгоритм подготовки аграрной реформы 1861 года. *Социально-политические науки*, (1), 29–39.
10. Левинсон, А., Стучевская, О. (2003). Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR). *Мониторинг общественного мнения*, (1), 46–55.
11. Макаров, М. Л. (2003). *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис.
12. Масевич, А. Ц., Захаров, В. П. (2017). Модели частотного поведения русской политической лексики XX века. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 15(2), 30–46.
13. Мироненко, С. В. (1990). *Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия*. Москва: Мысль.
14. Русакова, О. Ф. (2000). *Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы. Идеи*. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН.
15. Сухарев, М. В. (2023). Идеоматериальные полисистемы и политика. *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*, (1), 15–33. <https://doi.org/10.18522/2949-0707.2023.1.1533>
16. Томсинов, В. А. (Ред., авт. предисл. и вступ. ст.). (2012). *Крестьянская реформа 1861 года в России*. Москва: Зерцало.
17. Шеститко, В. (2019). *Секретные комитеты правительства Николая I и воссоединение униатов*. Минск: Медиал.
18. Христофоров, И. А. (Ред.). (2011). *Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.)*. Москва: Собрание.
19. Borg, E. (2003). Discourse community. *ELT Journal*, 57(4), 398–400. <https://doi.org/10.1093/elt/57.4.398>
20. Kivits, R. & Sawang, S. (2021). Communicative Planning. In *The Dynamism of Stakeholder Engagement. Contributions to Management Science* (pp. 19–27). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-70428-5_3
21. Kuswandro, W. E., Marijan, K. & Nugroho, K. (2020). Discursive Institutionalism as Framework of Analysis for Multi-Vector Power Relations in Organizing Political Parties. *Open Journal of Political Science*, 10(4), 607–625. <https://doi.org/10.4236/ojps.2020.104036>
22. Onwuegbuzie, A. J., Leech, N. L., & Collins, M. T. K. (2012). Qualitative Analysis Techniques for the Review of the Literature. *The Qualitative Report*, 17(56), 1–28.
23. Sunderland, W. (2019). The Imperial Emancipations: Ending Non-Russian Serfdoms in Nineteenth-Century Russia. In D. Schorkowitz, J. R. Chávez, & I. W. Schröder (Eds.), *Shifting Forms of Continental Colonialism Unfinished Struggles and Tensions* (pp. 437–461). London, U.K.: Palgrave Macmillan.
24. Swales, J. M. (2017). The Concept of Discourse Community: Some Recent Personal History. *Composition Forum*, (37), Fall 2017. Retrieved May 16, 2023, from <https://compositionforum.com/issue/37/swales-retrospective.php>

25. Van Dijk, T.A. (1998). What is political discourse analysis? In J. Blommaert, Ch. Bulcaen (Eds.), *Political Linguistics* (pp. 11–52). Amsterdam: John Benjamins.

References

1. Andreeva, T. V. (2014). Vlast' i reformy v Rossii v pervoy polovine XIX v.: istoriografiya kontsa XX – nachala XXI v. [The power and reforms in Russia in the first half of the 19th century: historiography of the end of the 20th and the beginning of the 21st century]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, (2), 202–238. (in Russ.). <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00035>
2. Andreeva, T. V. (2019). Zapiska M. M. Speranskogo o sozdanii Komiteta 6 dekabrya 1826 goda [Note by M. M. Speransky on the establishment of the Committee on December 6, 1826]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, (4), 252–271. (in Russ.). <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2019-00084>
3. Bolshakova, O. V. (2011). Otmena krepostnogo prava v Rossii. Angloyazychnaya istoriografiya 1960–1990-kh godov : (Analiticheskiy obzor) [The abolition of serfdom in Russia. English-language historiography of the 1960s–1990s (Analytical review)]. In V. S. Konovalov (Ed.), *Reforma 1861 g. v istorii Rossii (k 150-letiyu otmeny krepostnogo prava): Sb. obzorov i referatov* (pp. 200–220). Moscow: INION. (in Russ.).
4. Borg, E. (2003). Discourse community. *ELT Journal*, 57(4), 398–400. <https://doi.org/10.1093/elt/57.4.398>
5. Buganov, A. V. (1987). Otnoshenie krest'yanstva k russko-turetskoy voyne 1877–1878 godov (Po materialam posledney chetverti XIX v.) [The attitude of the peasantry to the Russian-Turkish war of 1877–1878 (According to the materials of the last quarter of the 19th century)]. *Istoriya SSSR*, (5), 182–189. (in Russ.).
6. Dijk, T.A. van. (2013). *Diskurs i vlast': Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: Knizhnyy dom “Librokom”. (in Russ.).
7. Dzhanshiev, G.A. (2008). *Epokha velikikh reform (T. 1)* [The era of great reforms (Vol. 1)]. Moscow: Izdatel'skiy dom “Territoriya budushchego”. (in Russ.).
8. Grekov, B. D. (1940). *Glavneyshie etapy istorii krepostnogo prava v Rossii* [The main stages in the history of serfdom in Russia]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. (in Russ.).
9. Khristoforov, I.A. (Ed.). (2011). *Sud'ba reformy: Russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The fate of reform: The Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890s)]. Moscow: Sobranie. (in Russ.).
10. Kivits, R. & Sawang, S. (2021). Communicative Planning. In *The Dynamism of Stakeholder Engagement. Contributions to Management Science* (pp. 19–27). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-70428-5_3
11. Kuswandro, W. E., Marijan, K. & Nugroho, K. (2020). Discursive Institutionalism as Framework of Analysis for Multi-Vector Power Relations in

Organizing Political Parties. *Open Journal of Political Science*, 10(4), 607–625. <https://doi.org/10.4236/ojps.2020.104036>

12. Levinson, A. & Stuchevskaya, O. (2003). Fokus-gruppy: evolyutsiya metoda (obzor diskussii na konferentsii ESOMAR) [Focus groups: the evolution of the method (review of the discussion at the ESOMAR conference)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, (1), 46–55. (in Russ.).

13. Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnozis. (in Russ.).

14. Masevich, A. Ts. & Zakharov, V. P. (2017). Modeli chastotnogo povedeniya russkoy politicheskoy leksiki XX veka [Diachronic research of the Russian political lexicon of the 20th century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 15(2), 30–46. (in Russ.).

15. Mironenko, S. V. (1990). *Stranitsy taynoy istorii samodержaviya: politicheskaya istoriya Rossii pervoy poloviny XIX stoletiya* [Pages of the secret history of autocracy: the political history of Russia in the first half of the 19th century]. Moscow: Mysl'. (in Russ.).

16. Onwuegbuzie, A. J., Leech, N. L. & Collins, M. T. K. (2012). Qualitative Analysis Techniques for the Review of the Literature. *The Qualitative Report*, 17(56), 1–28.

17. Rusakova, O. F. (2000). *Filosofiya i metodologiya istorii v XX veke: shkoly, problemy. Idei* [Philosophy and methodology of history in the XX century: schools, problems, ideas]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UrO RAN. (in Russ.).

18. Shestitko, V. (2019). *Sekretnye komitety pravitel'stva Nikolaya I i vossoedinenie uniatov* [Secret committees of the government of Nicholas I and the reunification of the Uniates]. Minsk: Medial. (in Russ.).

19. Sukharev, M. V. (2023). Ideomaterial'nye polisistemy i politika [Ideomaterial polysystems and politics]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, (1), 15–33. (in Russ.). <https://doi.org/10.18522/2949-0707.2023.1.1533>

20. Sunderland, W. (2019). The Imperial Emancipations: Ending Non-Russian Serfdoms in Nineteenth-Century Russia. In D. Schorkowitz, J. R. Chávez & I. W. Schröder (Eds.), *Shifting Forms of Continental Colonialism Unfinished Struggles and Tensions* (pp. 437–461). London, U.K.: Palgrave Macmillan.

21. Swales, J. M. (2017). The Concept of Discourse Community: Some Recent Personal History. *Composition Forum*, (37), Fall 2017. Retrieved May 16, 2023, from <https://compositionforum.com/issue/37/swales-retrospective.php>

22. Tomsinov, V. A. (Ed., preface & introductory art.). (2012). *Krest'yanskaya reforma 1861 goda v Rossii* [Peasant reform of 1861 in Russia]. Moscow: Zertsalo. (in Russ.).

23. Van Dijk, T. A. (1998). What is political discourse analysis? In J. Blommaert & Ch. Bulcaen (Eds.), *Political Linguistics* (pp. 11–52). Amsterdam: John Benjamins.

24. Zakharov, V. I. (2011). Algoritm podgotovki agrarnoy reformy 1861 goda

[The sequence of the agrarian reform (1861) formation]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*, (1), 29–39. (in Russ.).

25. Zayonchkovskiy, P. A. (1968). *Otmena krepostnogo prava v Rossii* (Izd. 3-e, pererab. i dop.) [The abolition of serfdom in Russia (3rd ed., rev. and augm.)]. Moscow: Prosveshchenie. (in Russ.).

Информация об авторах

Михаил Валентинович Сухарев, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3190-9893>, e-mail: suharev@narod.ru

Галина Борисовна Козырева, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9303-0361>, e-mail: kozyrevarc@gmail.com

Information about the authors

Mikhail Valentinovich Sukharev, Candidate of Economical Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Petrozavodsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3190-9893>, e-mail: suharev@narod.ru

Galina Borisovna Kozyreva, Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute of Economics, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9303-0361>, e-mail: kozyrevarc@gmail.com

---